

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Татьяна ЯСНИКОВА

ПОЦЕЛОВАЛ БЫ ЗЕМЛЮ...

Художник Федор Васильев родился в Гатчине, излюбленном месте отдыха петербургского высшего света и царской семьи. Биограф пишет об особом значении Гатчины для художника: «Может быть, именно впечатление о ней, пусть и позднее, но родственное, поселило в душе Федора какое-то солнечное, праздничное представление о мире, где так ослепительно блещут озера, так мягко стелется изумрудная трава, обрамляют глубокое небо легкие кудрявые облака. Иначе почему бы двадцатидвухлетний Федор, умирающий от жестокой болезни за тысячу верст от Гатчины, именно так вспоминал о заре своей жизни в письме к Ивану Николаевичу Крамскому за семь месяцев до своей мучительной кончины: „Далеко-далеко укатилось детство, и никогда не вернется со своим радостным, свежим утром, с криками и смехом, с хрустальными чудными дворцами и со всем, со всем своим таинственным очарованием... Как перейдешь к таким воспоминаниям, чудятся серые ивы над ровным с камышами прудом, чудятся живыми, думающими существами. Черт знает, какое хорошее было время! Если бы мне сию минуту перенестись в такое родное место, поцеловал бы землю и заплакал. Ей-богу, так! Глубок, глубок смысл природы, если его кто понять может!..“»

Андрей Румянцев, сибирский поэт, литературовед и автор биографий своих друзей и однокашников по годам учебы в Иркутском госуниверситете — Александра Вампилова и Валентина Распутина, написал и издал новую биографию. Она четвертая по счету. После названных двух биографий, вышедших в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», Андрей Румянцев обозрел пространство сибирской культуры и решил отдать свое перо и сердце еще одному замечательному

Татьяна Викторовна Ясникова родилась в с. Кабанске Кабанского района Бурятской АССР в 1962 году. Окончила факультет теории и истории искусства Санкт-Петербургской академии художеств им. И. Е. Репина по специальности «Искусствоведение». Публиковалась в литературных журналах «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «Сибирь», «Байкал», «Слово Забайкалья», «Огни Кузбасса» и др. Живет в Иркутске.

иркутянину — музыканту и общественному деятелю Денису Мацуеву. Книга о нем «Денис Мацуев. Озвученная музыкой судьба» два года назад вышла в издательстве «Вече».

И совсем не случайно, что Андрей Румянцев вслед за тем обратился к достижениям отечественного изобразительного искусства, написал популярную биографию живописца, жившего в девятнадцатом веке, — Федора Васильева. Не случайно, поскольку способен к парадоксальным зигзагам в творчестве и в бытии.

Автор, которого мы привыкли считать сибирским и иркутским, написал на этот раз о коренном петербуржце. Посетил в интересах своего исследования Петербург, Гатчину, Валаам и Ялту, где творил Федор Васильев.

Новую книгу Андрея Румянцева мы и представим читателю. Ее герою, «гениальному мальчику», нынче 172 года.

Предисловие к изданию написал пейзажист Александр Афонин, его называют последователем живописца Ивана Шишкина, — профессор живописи, руководитель мастерской пейзажа Российской государственной академии живописи, ваяния и зодчества им. И. Глазунова, заслуженный художник России, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства. Непосредственным учеником Ивана Шишкина был Федор Васильев.

«Над полотнами Ф. Васильева невольно размышляешь о значении пейзажной живописи. Великий художник, открывающий перед зрителем уголок родной природы, удивляет не только правдой и красотой картины. Он открывает тайну нашей любви к своей родине. Созерцая живописные полотна в музеях, мы видим одухотворенный образ своего Отечества», — пишет А. Афонин. И далее, непосредственно об издании: «Рассказ о Федоре Александровиче Васильеве, его стремлении к вершинам творчества поможет многим найти верную дорогу к профессиональному и духовному совершенству. Андрей Румянцев, автор нескольких биографических книг о выдающихся деятелях русского искусства, и на этот раз окажется нужным собеседником, особенно для юных читателей».

Хочется добавить: собеседником не только для юных, для всякого, кто избрал для себя изобразительное искусство в качестве эстетического эталона. Юные годы Федора Васильева были и его последними годами, когда он примирялся со всем на свете, то есть он и юн, и трагически умудрен: «Я помню моменты, когда я весь превращался в молитву, в восторг и в какое-то тихое и отрадное чувство примирения со всем, со всем на свете. Я ни от кого и ни от чего не получал такого святого чувства, такого полного удовлетворения, как от этой холодной природы». От холодной гатчинской — петербургской природы, погубившей его здоровье.

Биографии обычно начинаются с поисков корней героя, сведений о его родителях и среде. Писатель начинает с конца — дня кончины «гениального мальчика». Может быть, потому, что эта ранняя смерть потрясает. Наверное, как и смерть молодого Михаила Лермонтова, своей особой трагичностью — ведь гибнет особо чувствующий, поэтичнее, глубже, достовернее многих других, уже потрясший своим искусством, а тут еще и смертью потрясающий.

«Умер он 24 сентября. На другой день состоялось отпевание покойного в ближайшей церкви. Присутствовали здесь только мать, братишка Федора Александровича да Клеопин. И в печальной церемонии похорон художника на Поликуровском кладбище участвовали лишь эти близкие люди да несколько знакомых. Глубокое бирюзовое небо, которое с тонкими, вещими подробностями писал на полотнах Федор Александрович, попрощалось со своим поэтом...» — пишет Андрей Румянцев. Год стоял 1873-й, а Клеопин — это любитель живописи, коллекционер.

Двумя почти месяцами ранее, в первых числах августа 1873 года, об этой ожидаемой смерти писал в Италию Илье Репину Иван Крамской: «Заговорив о пейзаже... невольно вспомнишь Васильева, и сердце так больно, так быстро забьется. Он, мой голубчик, уже не будет больше писать, он хотя еще не умер, но умирает. В этот перерыв нашей с ним переписки, пока я искал дачу, болезнь его вступила в свой третий период, и вести плохие. Дней пять тому назад я получил от него письмо и не узнал почерка, только благодаря подписи не сомневаюсь, что письмо от него, а сегодня получено письмо от матери к Шишкиным, где она сообщает, что нет надежды, и доктор сказал, что едва ли протянет до сентября. Вот Вам и Васильев. Не знаю, как Вы думаете, а я полагаю, что русская школа теряет в нем гениального мальчика, — такое чутье натуры, такое нежное поэтическое чувство без сентиментальности, такое всеобъемлющее понимание редко встречается. Разумеется, я к нему чувствую особого рода слабость, и это заставляет относиться к моим похвалам с особой осторожностью, но все ж таки у него было нечто, чего не было и нет ни у одного из наших пейзажистов».

Почему же сначала о Гатчине, а потом о семье художника пишет автор? С кончины, с оплакивания начинается? В чем причина? Глава «Рожденный вне брака» сообщает о далеко не счастливом начале жизни Федора Васильева, отец-выпивохе, как сказали бы в наши дни. Читатель увидит мрачные краски жизни, не предвещающие развитие необыкновенного таланта. Ранняя смерть, несколько не связанная с обстоятельствами детства художника, начинает казаться какой-то закономерной: да, будучи безвестным и нищим, этот юноша точно бы окончил свою жизнь рано.

«Отец Федора Александр в раннем детстве остался без родителей и был отдан в Гатчинский воспитательный дом. Этот сиротский приют основала императрица Мария Федоровна, жена Павла I, в начале девятнадцатого века.

В 1837 году, когда Александру Васильеву исполнилось тринадцать лет, воспитательный дом указом императора Николая I был преобразован в Сиротский институт для сыновей младших офицеров и чиновников первого-девятого классов. Программа обучения рассчитывалась на десять лет. Последний год отводился для завершения курса реального училища. Можно предположить, что Александр получил здесь неплохое образование».

Причина, по которой отец Ф. Васильева Александр рано остался без родителей и кто были они, исследователям русского изобразительного искусства неизвестна. Известны обстоятельства детства самого художника, свидетель нашелся: «Волею обстоятельств к семье Васильевых оказался близок будущий писатель и журналист Александр Скабичевский. Через много лет он опубликовал воспоминания, в которых несколько страниц посвящено отцу Федора. Его пьяные выходки описываются автором с такими ужасающими и отталкивающими подробностями, что не хочется приводить их. Но повествование требует правды». Скабичевский, будучи студентом-филологом Петербургского университета, познакомился с сестрой одной из учениц, Ольгой. По словам Скабичевского, она была «с двумя детьми: девочкой Женей лет двенадцати и мальчиком Федей лет десяти... Я узнал от своей ученицы, что сестра ее замужем за неким Васильевым, человеком во всех отношениях несостоятельным: и кутилою, и мотом, и игроком... Вследствие подобных качеств главы семьи последняя не выходила из состояния голодной нищеты... Не откладывая дела в долгий ящик, я тотчас же предложил давать Женичке и Феденьке бесплатные уроки».

Андрей Румянцев — опытный биограф. Написанные им биографии читаются на одном дыхании. Кажется, есть огромная разница в том, чтобы писать о своих современниках, с которыми жил одними чувствами, наблюдал за ними «в трехмерном измерении», и другое дело — писать о личности, жившей давно, которую представлять можно лишь по тем отсветам, что разлиты в воспоминаниях современников. Живое

чувство, сочувствие — вот что помогает биографу и передается неравнодушному читателю. В воспоминаниях Скабичевского Андрей Румянцев находит строки, свидетельствующие о потрясении первого: «... я узнал, что мне неожиданно-негаданно пришлось быть, хоть и непродолжительно, учителем знаменитости. Тот самый Федя, который стоял во время моих занятий с детьми на втором плане, сделался впоследствии одним из первых современных художников, обессмертив свое имя пейзажами, которыми мы любимся в Третьяковской галерее.

Расставаясь со мною при выезде из нашего дома, он подарил мне, в знак памяти, небольшой ландшафтик, написанный им масляными красками, и как мне было впоследствии досадно, что я пренебрег мазнею десятилетнего мальчика и не сохранил подарка».

Тринадцатилетним Федор Васильев начал заниматься в Рисовальной школе Общества поощрения художников, и с той поры десятилетие, завершающее его жизнь, было в поле зрения величин русской культуры и искусства: Репина, Крамского, Шишкина, Стасова, Третьякова. На Валааме Васильев работает с Иваном Шишкиным, ставшим его зятем, мужем сестры Евгении Александровны. Юноша был угловат, дерзок, порой заносчив, эпатажен. Он станет лебедем искусства не без участия Шишкина, а затем и мецената Строганова. Этот процесс метаморфоз проследживает биограф; несчастливыми друзьями и их поддержкой вдруг стал богат Федор Васильев.

«Этюд Васильева „На острове Валаам. Камни“ понравился графу Павлу Сергеевичу Строганову. Он купил картину для своей коллекции. Возможно, граф следил за творческим взрослением Федора; без сомнения, как покровитель Общества поощрения художников, он знал наиболее талантливых воспитанников Рисовальной школы. Заметим, что после успеха на профессиональной выставке Федор стал пользоваться у графа особым вниманием». Соответствующее место биограф находит в воспоминаниях Шишкина: «Васильев получил первую премию на конкурсе, и его Общество отправляет в Дюссельдорф на три или четыре года. А нынешнее лето его берет с собой граф Строганов в Крым и на Кавказ, а осенью он поедет в Дюссельдорф».

Биографу удастся показать «грозовое» состояние души молодого дарования (подобное лермонтовскому?). Вот Илья Репин общается с Иваном Крамским:

«— Этот птенец не по летам смел, — ворчал я, — в вашем и Ивана Ивановича (Шишкина) присутствии он до неприличия забывается. Как вы это считаете? Что он такое? — спросил я серьезно.

— Ах, Васильев! — ответил Крамской. — Это, батюшка, такой феномен, какого еще не было на земле!.. О, вы познакомьтесь с ним хорошенько, рекомендую — талант! Да ведь какой талант! И вообще я такой одаренной природы еще не встречал: его можно сравнить с баснословным богачом, который при этом щедр сказочно и бросает свои сокровища полной горстью, налево, не считая и даже не ценя их...»

Андрей Румянцев: «Любопытно подсчитать все васильевские картины, посвященные грозовому состоянию природы. Их окажется более двадцати. Легче всего было бы сказать, что природные бури оказывались близки дерзкому, смелому характеру самого Федора».

Далее биограф приводит еще одно свидетельство Ильи Репина. Превращение гадкого утенка в белого лебедя состоялось: «... перед входом он (Ф. Васильев) натянул лайковые перчатки, грациозно взял в руку тросточку, обмахнул платком пыль на ботинках с крючками. Ну, просто, вошел столичный фронт, завсегда с салонов хорошего тона...»

Пока друзья и близкие обсуждают, как приятно, в лучшую сторону изменились характер и манеры юного дарования, внутри него зреют новые образы — они выльют-

ся в одну из лучших картин восходящего к вершинам искусства России девятнадцатого века. Это пейзаж «Оттепель». Биограф пишет об этой картине в главе «Черный ворон судьбы»: «В самом деле, „Оттепель“ представляет необычайно одухотворенную, целительную силу природы, словно бы противостоящую унылому, печальному устройству жизни на земле нашего Отечества. Сам автор обмолвился в одном из писем, что создал ее за месяц». В 1870 году в жизни двадцатилетнего Федора Васильева происходит непоправимое. «...Он, вспотев при катании на коньках, с жадностью поел из пригоршни свежего снега. Воспаление горла наступило в ближайшие же дни. А со временем болезнь охватила и легкие. Всегда подтянутый, физически развитый, энергичный паренек оказался в плену страшного, мучительного недуга. К весне Федор почувствовал обострение болезни. Он уже не мог ходить на четверговые шумные собрания художников в их общий, „артельный“ дом, и, что особо угнетало его, не имел сил подолгу, как раньше, сидеть за мольбертом». Граф Строганов озаботился его здоровьем. Васильев прибыл в его украинское имение Хотень и поработал там немало.

Им двигали подъем и вдохновение, что он испытал при написании «Оттепели», сопровождаемом тем самым весенним обострением болезни. И задается он в письме к Ивану Крамскому следующим вопросом: «Что же будет тогда, когда я сформируюсь?!»

Федор Васильев оказывается в Крыму. Болезнь его развивается, Крыму он не верит, ведь ему все хуже и хуже. Не верит и потому, что не находит там глубоких, одновременно суровых и нежных мотивов, дорогих его кисти. Андрей Румянцев пишет: «Ялта, солнечный городок на южном берегу Крыма, принимал в те поры многих больных и вообще становился довольно известным курортом. Тем более что уже с десятков лет в соседнюю Ливадию на летний отдых приезжала императорская семья, а весь двор устремлялся за ней. Так что, прибыв в этот „крымский Неаполь“, художник оказался свидетелем грандиозного строительства дорогих домов, гостиниц, дач. С иронией писал он Крамскому в Петербург о местном градостроительном буме: „Ялта... разрушила все авторитеты, и Америка перед ней — ничто, нуль. Вся изрыта, вся завалена камнями, лесом, известью; дома растут в неделю, да какие дома!“» И далее: «Иногда Федор находит время погулять по Ялте. Но уличные приключения, житейские разговоры прохожих, зазывные возгласы торговцев воспринимаются им без интереса, а то и с иронией. Только яркий закат над домами, прозрачный, нежный воздух вокруг легкого облачка надолго запоминаются ему».

Голос автора книги вплетается в хор голосов, славивших и славящих живопись Ф. Васильева. О нем писали очевидцы его дней, художники, исследователи изобразительного искусства России. Особенно в тексте Андрея Румянцева в том, что он поэт, в советское еще время получил звание народного поэта Бурятии, будучи уроженцем этой республики.

Приближаясь к заключительным строкам биографии «двадцатилетнего гения», поэт Андрей Румянцев пишет: «В девятнадцатом веке искусство пейзажа обрело в духовной жизни народа то же значение, что и отечественная поэзия. В классических произведениях тех десятилетий, написанных Кольцовым, Некрасовым, Фетом, Никитиным, А. Толстым, поэзия родной природы обретает ту вещую силу воздействия, на которую способно чистое, поистине небесное слово. Без авторского переживания, без его душевного отклика на красоту природы стало уже невозможным русское искусство. И среди других художников своего времени эту особенность живописи утверждал Федор Васильев».

Читатель, перелистывающий завершающие страницы книги Андрея Румянцева, надо думать, захочет продолжить знакомство как с его литературным творчеством, так и с живописью и биографией Федора Васильева. Для тех, кто побывает в Петербур-

ге, Гатчине, Ялте, проживает в этих городах, автор дает указания на памятные места, связанные с именем своего виртуального подопечного: «В России три места связаны с именем Федора Александровича Васильева: Гатчина, где он появился на свет, Санкт-Петербург, где провел большую часть жизни, и Ялта, где окончил земной путь. Гатчине, к сожалению, не удалось выяснить, в каком доме родился будущий художник. В Музее истории города материалов о жизни семьи Васильевых нет. И все-таки тех, кто стремится напоминать новым поколениям горожан о судьбе и творчестве их знаменитого земляка, на его родине немало. В 1976 году на здании Музея (проспект 25-го Октября, дом 18) поклонники таланта Федора Васильева установили мемориальную доску с барельефом художника. Автором композиции стал гатчинский скульптор Валерий Шевченко. <...> В последние годы жители Гатчины настойчиво просят администрацию присвоить одной из улиц своего красивейшего города имя живописца. Можно надеяться, что это будет сделано. <...> В Санкт-Петербурге ценителей творчества Васильева притягивает, конечно, Русский музей, где, согласно каталогу, хранится двадцать семь живописных шедевров художника, не считая акварелей, сепий и карандашных рисунков. В Российской национальной библиотеке, в нескольких архивах города и области находятся бесценные материалы — переписка Васильева, воспоминания современников о нем. Сотрудники учреждений заслуживают сердечной благодарности за то, что эти духовные богатства открыты для нас. <...> Ялта тоже притягательна для тех, кто знает и ценит творчество художника. Но полтора века, прошедшие после его кончины, отмечены трагическими событиями, нанесшими урон памяти о нем. Речь, прежде всего, о могиле на Поликуровском кладбище. Во время Великой Отечественной войны фашисты жестоко бомбили Ялту, и захоронение художника оказалось затерянным среди руин. Исчезло надгробие — установленная И. И. Шишкиным гранитная плита с выбитыми на ней мудрыми строками. В мирные дни местоположение могилы Федора Васильева определили по сохранившемуся рисунку Ивана Ивановича. В 1963 году горожане установили здесь бронзовый бюст Федора Александровича на высоком постаменте. Однако в девяностые, воровские, годы двадцатого столетия бюст был украден и, скорее всего, продан скупщикам цветных металлов. Постамент на могиле живописца до сего дня остается без бюста. Грядет печальная дата — сто пятьдесят лет со дня ранней смерти художника. Может быть, администрация города с помощью состоятельных жителей и многочисленных гостей Ялты, ежегодно отдыхающих здесь, вернет надгробию живописца тот вид, который оно имело тридцать лет назад? Создать бюст талантливого юноши, думается, почтет за честь каждый из известных скульпторов России.

В Ялте есть еще один памятник Федору Васильеву. В живописном скверике на улице Киевской, между зданиями под номерами 8, 10 и 12, на постаменте возвышается бюст художника. На лицевой стороне памятника выбиты слова: „Васильеву Федору Александровичу (1850–1873), выдающемуся русскому художнику“. Авторы — известные ялтинские мастера, скульптор Николай Савицкий и Петр Стариков, многие годы занимавший должность главного архитектора города».

Быстротекущее время во многом изменило человеческое восприятие, традиционные культура и искусство отступили под натиском цивилизации. Тем более ценны страницы новых книг, обращающие нашу память к высоким достижениям прошлого; в этот ряд встанет книга «Федор Васильев: поэт русского пейзажа. Двадцатилетний гений» Андрея Румянцева. Издана она в большом формате, снабжена богатым иллюстративным материалом. Видится, что всякий останется благодарен автору и издательству за те минуты и часы, что провел за ее чтением.